

Основные черты характера и дѣятельности Императора Александра III-го ¹⁾).

Когда приходится стоять около большого зданія, утеса или иного какого-нибудь огромнаго предмета, то бываешь не въ силахъ разомъ схватить всѣхъ тѣхъ чертъ, которыми характеризуется фигура данной громады. И чтобы имѣть возможность видѣть разсматриваемый предметъ во всемъ его цѣломъ, нужно отойти отъ него на нѣкоторое разстояніе. То же самое бываетъ и съ историческими событіями, а равно и героями исторіи. Здѣсь, какъ и тамъ, требуется нѣсколько отдалиться отъ лица или событія, чтобы яснѣе воспроизвести образъ героя, чтобы точнѣе схватить все значеніе событія. И здѣсь необходима, такъ сказать, историческая перспектива, подобная перспективѣ пространственной.

Прилагая сказанное къ лицу и дѣятельности Императора Александра III-го, мы принуждены сознаться, что времени, истекшаго со дня его смерти, еще не вполне достаточно къ тому, чтобы оно могло служить для насъ указанною историческою перспективой, тою перспективой, пользуясь которой мы могли бы бросить вполне отчетливый взглядъ въ прошлое. Поэтому, не всегда будучи въ силахъ

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ публичномъ собраніи Киевскаго Отдѣленія Историческаго Общества въ память Императора Александра III, 14 ноября 1903 года.

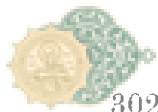

освободиться отъ обаянія личности покойнаго Императора, мы не падѣмся вполне отчетливо и всесторонне обрисовать его лицо и дѣятельность всѣми тѣми чертами, какими обладалъ покойный Императоръ въ дѣйствительности¹⁾.

I.

Приступая къ исторической оцѣнкѣ царствованія Александра III-го, остановимся на одинъ моментъ, чтобы взглянуть, хотя бы мелькомъ, на политическое и культурное состояніе Европы и Россіи и ихъ взаимныя отношенія ко времени вступленія на престолъ помпупутаго Императора.

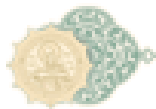
¹⁾ Литература относительно царствованія Александра III-го. *Завитневичъ*, Значеніе царствованія Александра III-го въ общемъ ходѣ нашей исторической жизни. Кіевъ, 1895 г.; *Свящ. Корольковъ*, Жизнь и царствованіе Императора Александра III-го. Кіевъ, 1901; *Ключевскій*, Памяти Государя Императора Александра III-го. Москва, 1894; *Свящ. Титовъ*, Императоръ Александръ III и русская православная церковь въ его время. Кіевъ, 1902; *Петрушевскій*, Значеніе царствованія благоч. Государя Императора Александра III-го для нашей церкви и папства. Кіевъ, 1895; *Неизвѣстн. автора*—Императоръ Александръ III—руководящая идея его царствованія. (Историч. Вѣстн. 1894, ноябрь); *Южиковъ*, Большая Энциклопедія. С.П.Б. 1900, т. I: Александръ III; *Терзъ*, Всеобщая исторія, т. IV, новѣйшая исторія. Перевъ подъ ред. Полевого. С.П.Б. 1894, стр. 666—671; *Менделѣевъ*, Подъемъ русской промышленности въ царствованіе Императора Александра Александровича (Нов. Вр. 1894, № 6703); *Николаевъ*, Значеніе Императора Александра III-го въ исторіи развитія нашей культуры (Москов. Вѣд. 1894, № 295); *Тихоміровъ*, Носитель идеала (Моск. Вѣд. 1894, № 298). Много матеріаловъ, относящихся до разсматриваемаго царствованія, можно почерпнуть изъ кн. «Обзоръ дѣятельности вѣдъ прав. исповѣданія за время царствованія Императора Александра III-го. С.П.Б. 1901. Изъ иностранныхъ укажемъ—*Steede*, Truth about Russia, London, 1888.

Европа къ данному моменту переживала тѣ результаты, какіе внесены были въ ея жизнь принципами новой европейской философіи. Мы имѣемъ въ виду т. н французскую философію XVIII-го в. съ ея проповѣдію абсолютной свободы и равенства. Эти принципы лежали въ основѣ всевозможныхъ соціальныхъ теорій и политическихъ реформъ, волновавшихъ тогдашнее европейское общество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Европа теперь уже начинала убѣждаться и въ томъ, что для народнаго благоденствія одной свободы недостаточно. Да и свобода сама, при неумѣломъ ея пользованіи, вмѣсто блага можетъ обратиться во зло. Европа уже видѣла, что отвлеченный человѣкъ, какъ представляла его себѣ философія XVIII в., не вполне соответствовалъ реальному человѣку съ его дурными инстинктами и страстями, съ его неспособностію сносить устроить свою жизнь, вслѣдствіе невѣжества, неумѣнія отстаивать свои права,—что, поэтому, освобожденную юридически личность еще нельзя считать свободною, если ее угнетаетъ культурное рабство и—самое главное—экономическая необезпеченность, если ее порабащаютъ нужда и невѣжество. Заполненіе этого послѣдняго пробѣла въ существованіи Европы взяло на себя соціальное законодательство, которое и выступило теперь со своею задачею освободить личность, а съ нею и все общество, отъ гнета уже не юридического, а экономического.

Какъ бы то ни было, но, во всякомъ случаѣ, Европа жила своею собственною, оригинальною жизнію, послѣдовательно развивая тѣ формы народнаго быта, какія историческимъ путемъ слагались тамъ въ силу тѣхъ условій, въ которыхъ находилась Европа.

Не такъ дѣло обстояло въ Россіи. Если Европа жила своими собственными традиціями, развивала свои собственные начала жизни, то Русскіе совсѣмъ не хотѣли знать своихъ самобытныхъ національных задачъ и во всемъ старались подражать Западу. Еще во времена Фонъ-Визина у насъ ста-

ли возможны тишы, коихъ „тѣло хотя и было рождено въ Россіи, но коихъ духъ всецѣло принадлежалъ французской коронѣ“. Съ теченіемъ времени, подобное направленіе все болѣе и болѣе крѣпло, пока Россія окончательно не поработила себя Европѣ. Порабощеніе это, конечно, прежде всего сказалось въ нашей культурной жизни. Мы, какъ сказано, пренебрегали всѣмъ русскимъ и хотѣли построить всю нашу жизнь по Западному образцу. Намъ не было дѣла до того, что западныя формы жизни могли осуществляться въ Европѣ потому, что онѣ сложились тамъ исторически. Намъ не было дѣла и до того, что народы имѣютъ свою индивидуальность, которая можетъ соответствовать и не соответствовать тѣмъ или инымъ формамъ жизни. Не желая знать всего этого, мы хотѣли пересоздать русскую жизнь по тѣмъ красивымъ теоріямъ, какія создались на Западѣ и какія даже и тамъ не всегда могли найти себѣ практическое осуществленіе. Поэтому-то мы не удовлетворились даже великими реформами Царя-Освободителя. Результатомъ всего этого была трагическая смерть послѣдняго.

Работѣя предъ Европой въ культурной жизни, мы старались подражать ей и въ политикѣ. Здѣсь мы не могли ступить ни одного шага безъ того, чтобы не оглянуться и не прислушаться къ тому, „что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна“—т. е. все та же Европа. Одинъ французскій ученый XVI в. (Боденъ въ своемъ сочиненіи „О республикѣ“), между прочимъ, замѣтилъ о сѣверныхъ людяхъ, что они доблестны на войнѣ, но въ мирныхъ переговорахъ не умѣютъ соблюдать своей выгоды“. И это замѣчаніе оказывается какъ нельзя болѣе справедливымъ о Русскихъ разсматриваемаго времени. Во всей политикѣ тогдашнихъ нашихъ государей историки отмѣчаютъ „явное непониманіе интересовъ своего государства и той роли, какую оно должно играть въ отношеніи къ Европѣ“¹⁾. Послѣднимъ ложнымъ политическимъ

¹⁾ Завитневичъ, стр. 4.

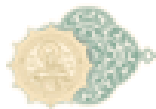
шагомъ Россіи было вступленіе ея въ тройственный союзъ. Этотъ шагъ окончательно поработилъ Россію Европѣ, связавъ тервую по рукамъ и ногамъ и заставивъ ее играть въ угоду Германскихъ дипломатовъ.

Естественно, все сказанное должно было неблагопріятно отражаться и на внутреннемъ благополучіи русскаго государства. Игра въ политику поглощала вниманіе правительства, отвлекая его заботы отъ внутреннихъ народныхъ нуждъ, и постоянныя войны истощали государственный бюджетъ и разстраивали народное хозяйство.

Однимъ словомъ, въ моментъ принятія Александромъ III жиптра, Россія являлась какъ бы большимъ расслабленнымъ колоссомъ. Переставши со времени Царя-Освободителя быть страной рабства юридическаго, она все еще продолжала то-литься подъ гнетомъ экономической нужды и была культур-ной и политической рабой Европы. И все это было прямымъ результатомъ и заключительнымъ актомъ того рокового хода исторіи, въ которомъ на первомъ планѣ было забвеніе своихъ національных задачъ и полное преклопеніе предъ всѣмъ За-паднымъ.

Но на ряду съ отмѣченнымъ, довольно пагубнымъ для насъ, крайнимъ увлеченіемъ Западомъ въ русской жизни на-чинала просачиваться теперь и новая струя—струя чисто на-циональная. Все чаще и чаще стали появляться у насъ лю-ди, не стыдившіеся сознавать себя русскими. Славянскій духъ, славянское сознаніе постепенно начинали пробуждаться въ Русскихъ. Сознаніе это росло и крѣпло, пока не получило, наконецъ, своего полнаго выраженія, съ одной стороны,—въ возникновеніи особаго національнаго направленія—славяно-филовъ, а съ другой,—въ сочиненіяхъ представителей нашей истинно-національной русской литературы (Достоевскій, Пуш-кинъ, Толстой и др.).

И не прошло безслѣдно отмѣченное движеніе въ нашей жизни, не пропали даромъ труды тѣхъ, кто работалъ надъ

созданіемъ идеи самобытности русской культуры: *эта идея легла въ основу государственной дѣятельности покойнаго Императора*. Не даромъ современники видѣли въ Александрѣ III истинно-русскаго православнаго Царя, а историки не даромъ хотятъ начинать съ него новый періодъ нашей исторіи, который долженъ быть названъ *русскимъ* періодомъ (въ отличіе отъ трехъ предшествующихъ Кіевскаго, Московскаго и Петербургскаго ¹⁾).

Дѣйствительно, царствованіе Императора Александра III-го носить чисто русскій національный характеръ; впрочемъ, это такъ и должно было быть, потому что Императоръ Александръ III самъ былъ истинно русскій человѣкъ. Воспитанный въ духѣ православія и строгаго отношенія къ своему долгу ²⁾, онъ поражаетъ историка прежде всего необыкновенною своею любовію ко всему русскому. Покойный Императоръ обладалъ душою и сердцемъ простаго русскаго человѣка, не склоннаго играть роль рыцаря въ европейскомъ вкусѣ. Онъ не любилъ повергать въ прахъ своими молвіеносными взглядами, хотя его взоръ былъ истинною казнью для всякой нечестной души; онъ не любилъ играть въ великодушіе, хотя слѣды проявленія его благородной души можно было видѣть вездѣ ³⁾. Въ виду отмѣченной черты въ характерѣ Александра, понятно, что ему было особенно по душѣ то направленіе русской мысли, которое хотѣло самобытнаго развитія русской жизни и русской культуры, которое вѣрило въ русскія на-

¹⁾ *Николаевъ*, Значеніе Императора Александра III-го въ развитіи нашей культуры.

²⁾ О воспитаніи Александра III-го, см. книгу свящ. Королькова, стр. 3—22. На развитіе чисто русскаго трезваго національнаго направленія въ характерѣ Александра, намъ думается, много оказалъ вліянія его наставникъ въ русской исторіи покойн. проф. С. М. Соловьевъ.

³⁾ *Завитневичъ*, стр. 13.

родныя силы. Естественно потому же, что и политика Александра III-го, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, должна была принять строго національный характеръ, какого Россія уже давно не имѣла.

Продолжая всматриваться въ характеръ Александра III-го, мы невольно останавливаемся на другой его чертѣ — необыкновенной трезвости и уравновѣшенности его натуры и его ума¹⁾. Всѣ поступки Александра III отличаются необыкновеннымъ спокойствіемъ, всѣ распоряженія его носятъ печать необыкновенно яснаго отчетливаго пониманія дѣла и серьезнаго здраваго обсужденія. При такомъ направленіи характера Александру естественно было придти къ тому же выводу относительно полного и реальнаго освобожденія человѣческой личности, къ какому пришли наиболѣе здравомыслящіе люди на Западѣ, т. е. Императоръ Александръ долженъ былъ понять, что для благоденствія русскаго народа недостаточно одной свободы, которою онъ былъ надѣленъ въ предшествующее царствованіе: онъ пуждается еще въ освобожденіи отъ гнета экономическаго.

На ряду съ трезвымъ умомъ и здравымъ смысломъ, историки отмѣчаютъ въ покойномъ Императорѣ полное самообладаніе и твердость въ осуществленіи своихъ плановъ²⁾. Александръ III, воплощая въ себѣ совершенно цѣльный характеръ, всегда сознательно, неуклонно и неудержимо стремился къ разъ намѣченной цѣли. Никакія постороннія соображенія и вліянія не могли сбить его съ пути, на который онъ павъ уже вступилъ.

Здравый смыслъ, твердость въ осуществленіи своихъ плановъ, необыкновенное трудолюбіе и умѣренность въ образѣ

¹⁾ Англійскій писатель Стодъ (Truth about Russia) въ Александрѣ III видитъ полное воплощеніе древней пословицы — *mens sana in corpore sano*.

²⁾ Іегеръ, т. IV, стр. 667.

жизни¹⁾, а надъ всѣмъ этимъ живое и одухотворенное про-
никновеніе идеалами православія и горячая любовь къ Россіи
— вотъ тѣ черты, которыя историкъ долженъ отмѣтить въ
характерѣ Императора Александра.

Здѣсь, въ характерѣ этой личности и ея воззрѣніяхъ,
историкъ и долженъ искать объясненія практичности, цѣлесооб-
разности, вѣрности историческимъ заветамъ и сродству съ
духомъ русскаго народа—мѣропріятій прошлаго царствованія;
здѣсь—объясненіе дѣятельности Александра, здѣсь же, при-
совокупимъ, можно видѣть и залогъ успѣха этой дѣятель-
ности.

II.

Исполненный любовью къ Россіи и серьезно относясь къ
обязанности монарха заботиться о поднятій народнаго благо-
денствія, Александръ Ш, понятно, главное вниманіе въ своей
дѣятельности долженъ былъ обратить на дѣла внутренняго
управленія государствомъ. Главная задача, какую долженъ
былъ поставить себѣ Императоръ было возвратить Россію на
историческій ея путь спокойнаго и правильнаго развитія всѣхъ
ея богатыхъ силъ;—обезпечить духовный и матеріальный бытъ
народа при помощи всѣхъ исторически сложившихся силъ
его, начиная съ самаго правительства и кончая сельской
общиной.

При этомъ мы, считая излишнимъ перечислять всѣ дѣ-
ла Александра Ш, направленные ко благу Россіи, упомянемъ
лишь о тѣхъ начинаніяхъ Императора, въ которыхъ наибо-
лѣе рельефно выражались основныя черты его характера.

Историческая истина—что народы нельзя мѣрить на одну
мѣрку, что каждая нація имѣетъ свою индивидуальность, свои

¹⁾ Какъ извѣстно, Александръ почти въ теченіе 14 лѣтъ
сну посвящалъ не болѣе 4—5 часовъ въ сутки.

начала, свои „корни“, изъ которыхъ растетъ и развивается жизненный ея строй. Историческая же истина, что такими „корнями“ русской народной жизни являются самодержавіе, православіе и народность. Это, такъ сказать, необходимые существенные элементы православно-славянской національной культуры. И эти-то элементы всего болѣе могли поколебаться, благодаря крайнему увлеченію нашему Западомъ. Колебаніе же указанныхъ началъ могло поколебать весь строй русской жизни, подобно тому, какъ ихъ прочность была залогомъ прочности существующаго порядка. Не даромъ, поэтому, представители того національнаго движенія, о которомъ мы уже упоминали, требовали начать оздоровленіе русской жизни прежде всего съ „оздоровленія корней“ (Достоевскій); съ этого Александръ III и началъ.

Мученическою кончиною Александра II-го принципу самодержавія былъ нанесенъ сильный ударъ, но Александръ III среди страшныхъ обстоятельствъ своего вступленія на престолъ не потерялъ присутствія духа и мужественно заявилъ, что онъ ни на шагъ не отступитъ отъ принциповъ, завѣщанныхъ ему предками ¹⁾. „Да ободрятся,

¹⁾ Впрочемъ, провозглашеніе неприкосновенности началъ самодержавія не исключало единодушнѣйшей дѣятельности правительства и общества; напротивъ, это единодушіе, эта совмѣстная дѣятельность правительственныхъ органовъ и общественныхъ элементовъ признавались необходимымъ залогомъ полнаго успѣха дѣла. Такъ, въ Высочайшемъ повелѣніи объ охраненіи государственнаго порядка, изданномъ вскорѣ по вступленіи на престолъ, упоминается, между прочимъ, объ образованіи при Петербургскомъ градоначальникѣ, для содѣйствія ему, совѣта изъ выборныхъ отъ столичнаго населенія. Здѣсь же нужно упомянуть о созывѣ свѣдущихъ людей изъ разныхъ губерній для представленія соображеній по вопросу объ устройствѣ питетной торговли, а также объ упорядоченіи переселенческаго движенія крестьянъ. 10 октября 1881 г. состоялось первое со-

говорилъ онъ въ манифестѣ отъ 29 апрѣля 1881 года, пораженный смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наследственной царской власти“, подѣ сѣнію которой и „въ неразрывномъ союзѣ съ которой земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій“. И потомъ во время своего царствованія Императоръ постоянно стремился къ возвышенію и укрѣпленію авторитета государственной власти въ видахъ поддержанія и охраненія пошатнувагося организма государственнаго ¹⁾.

Наблюдая дальнѣйшую дѣятельность Александра въ области внутренней политики, нельзя не замѣтить того, что онъ постоянно и неуклонно также стремится къ достиженію внутренняго единства въ государствѣ, опираясь при этомъ всегда и всецѣло на строго національную почву. Въ продолженіе всего своего царствованія Александръ никогда не забывалъ о томъ мудромъ правилѣ національной политики, которое видитъ лучший оплотъ всякаго государства въ тѣсной связи всѣхъ его гражданъ съ мощною государственною властію. Въ этихъ видахъ въ царствованіи Александра Ш-го были предприняты цѣлый рядъ различныхъ мѣръ, направленныхъ къ слитію окраинъ съ центромъ Россіи и кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Однимъ словомъ, поднять значеніе русской народности, пробудить національное самосознаніе въ самихъ Русскихъ—

единенное засѣданіе Государственнаго Совѣта съ участіемъ земскихъ экспертовъ для обсужденія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей.

1) На первыхъ порахъ въ числѣ мѣропріятій въ этомъ направленіи особенно важнымъ является манифестъ отъ 14 марта 1881 г. о правительствѣ, престолонаслѣдіи и опекѣ на случай кончины Государя Императора до законнаго совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича.

вотъ конечная цѣль многочисленныхъ мѣропріятій Императора Александра, если глубже вникнуть въ ихъ внутренній смыслъ.

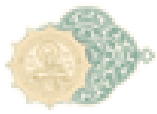
Само собою понятво, что въ видахъ достиженія послѣдней цѣли Александръ III—самъ истинно православный христіанинъ—не могъ оставить безъ вниманія такого культурнаго факта, какъ православіе. Начала послѣдняго онъ стремился заложить и въ основу народнаго воспитанія и образованія ¹⁾.

Во всѣхъ указанныхъ мѣропріятіяхъ Императоръ Александръ выступаетъ передъ нами, какъ истинно-русскій національный Царь-Патріотъ. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили въ характерѣ Императора и другую черту, получившую не менѣе ясное выраженіе въ его дѣятельности—это его необыкновенно твердый взглядъ на жизнь и здравый смыслъ. И если доселѣ мы видѣли дѣятельность Императора, какъ возродителя духовныхъ русскихъ національных началъ, то послѣдняя черта характера Александра побуждала его обратить надлежащее вниманіе и на матеріальное обезпеченіе своихъ подданныхъ; иначе говоря, побуждала его продолжить дѣло своего предшественника и юридически уже свободному народу дать свободу и экономическую, освободить его отъ наиболѣе тяжелыхъ проявленій экономической нужды. Цѣлый рядъ мѣръ являлся осуществленіемъ этой идеи Императора, при чемъ не были заботы ни крестьяне, ²⁾ ни дворяне, ³⁾ ни духовенство, ни промышленное населеніе страны.

¹⁾ Подробности о положеніи православной церкви въ царствованіе Александра III, см. кн. свящ. Королькова, стр. 63—84; 124—132, Петрушевскаго и свящ. Титова.

²⁾ Указомъ 18 мая 1882 года о постепенной замѣнѣ подушной подати съ крестьянъ иными источниками дохода; учрежденіе крестьянскаго земельного банка и проч.

³⁾ Открытіе дворянскаго поземельнаго банка, выпускъ 3-го, т. н. дворянскаго съ выигрышами займа и др.

Стремясь къ удовлетворенію матеріальныхъ практическихъ нуждъ родины, Царь-Мудрый Хозяинъ Россіи, стремился и къ развитію въ населеніи страны практическихъ знаній; онъ видѣлъ, что безъ послѣднихъ все мѣры и начинанія правительства къ поднятію промышленности страны будутъ носить лишь случайный характеръ. И вотъ, по мысли Царя, въ начальныхъ школахъ начинается обученіе ремесламъ и сельскому хозяйству. Много было обращено вниманія покойнымъ Императоромъ и на спеціальныя училища прикладныхъ знаній—школы техническія, ремесленныя и промышленныя. Россія при немъ стала покрываться сѣтью профессиональныхъ школъ—заведеній, которыя должны были удовлетворять непосредственнымъ запросамъ жизни, не отрывая дѣтей отъ среды, въ которой они родились¹⁾.

III.

При обзорѣ внутренней государственной дѣятельности Александра III мы не могли не замѣтить того, что Императоръ Александръ хотя и являлся продолжателемъ дѣятельности

¹⁾ Въ результатъ подобной дѣятельности Императора получилось то, что наша, напримѣръ, фабрично-заводская промышленность, прежде едва влачившая свое жалкое существованіе, теперь стала давать доходу около 2000 милліоновъ (*Менделѣевъ*, Подъемъ промышленности въ царствованіе Императора Александра III). Состояніе финансовъ Россіи въ настоящее время можно назвать блестящимъ, а между тѣмъ, до Александра III у насъ былъ вѣчный дефицитъ, и въ самый годъ вступленія Александра на престолъ государственный расходъ на 44 милліона превышалъ собою доходъ. Европа со скрытымъ злорадствомъ уже ожидала нашего банкротства. Но вмѣсто этого она должна была увидѣть не только равновѣсіе нашего финансового баланса, но и постепенное превышеніе дохода надъ расходомъ (съ 1889 г.). Въ теченіе 13 лѣтъ (1881—1893) государственные доходы Россіи увеличились противъ прежняго на 60%.

своихъ предшественниковъ, но при этомъ онъ исправлялъ и направлялъ эту дѣятельность соответственно своимъ личнымъ воззрѣніямъ и требованіямъ столь стовйственного ему благоразумія. Такъ же точно было и во внѣшней его политикѣ, и послѣдняя носить на себѣ явное отраженіе личности Александра III съ его яснымъ пониманіемъ пользы Россіи, трезвымъ взглядомъ на вещи и прямымъ, честнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Достоинство и польза Россіи для него здѣсь, какъ и во внутренней его дѣятельности, были прежде всего. Это Александръ III обнаружилъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности.

Достоинство и честь Россіи требовали прежде всего освободить ее отъ той унизительной зависимости предъ Европой, въ которую Россія поставила себя посредствомъ совершенно бесполезнаго для нея тройственного союза. И у Александра III-го достало политическаго мужества для того, чтобы выйти изъ этого союза.

Не принадлежа къ числу отвлеченныхъ идеалистовъ, Императоръ Александръ прекрасно понималъ, что народы гораздо внимательнѣе прислушиваются къ голосу сильнаго, что всѣ законныя требованія Россіи и русскаго Царя, хотя бы и самое требованіе мира, Европа послушаетъ тогда только, когда эти требованія будутъ опираться на хорошую военную силу¹⁾. Вслѣдствіе этого, по указанію Императора, былъ произведенъ цѣлый рядъ реформъ въ вооруженныхъ силахъ Имперіи, въ результатъ которыхъ русская армія по своей боевой способности приблизилась къ лучшимъ европейскимъ войскамъ.

¹⁾ „Отечеству нашему, приводимъ собственныя слова Императора, несомнѣнно пужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для цѣлей агрессивныхъ, а единственно для охраненія цѣлости и государственной чести Россіи“. (Рескриптъ а имя военнаго министра Ванновскаго отъ 22 іюня 1890 г.).

Но не смотря на довольно значительныя военныя свои силы, Александръ III-й за все время своего царствованія ни разу не обнажилъ меча, вполне справедливо, поэтому, заслуживъ названіе Миротворца. Впрочемъ, напрасно стали бы мы стараться въ мирномъ настроеніи Александра III-го усмотрѣть слѣды слабости или нерѣшительности характера. Миролюбіе Александра III-го не результатъ слабости, а только продолженіе той политики благоразумія, которая была такъ свойственна минувшему царствованію. Да иначе и не могло быть, и тѣ же самыя черты характера Александра III-го — здравый разумъ и неподдѣльная любовь къ Россіи — никогда не могли допустить его подвергать послѣднюю риску военныхъ приключеній.

Стремленіе поддержать и укрѣпить миръ въ Европѣ, и тѣмъ самымъ, между прочимъ, спасти и Россію отъ военныхъ случайностей, составляетъ, такимъ образомъ, одну изъ важнѣйшихъ чертъ международной политики Александра III-го ¹⁾).

Другую важнѣйшею чертою международной политики Александра III-го была необыкновенная прямота его дипломатіи. Европейская дипломатія, воспитанная на началахъ макиавеллизма, съ теченіемъ времени до того изогбалась, что вести съ нею дѣло человѣку, воспитанному на иныхъ нравственныхъ понятіяхъ, не было никакой возможности. „Для дипломатовъ, читаемъ мы у одного историка, слово перестало служить орудіемъ выраженія человѣческой мысли, ибо ихъ слова стали простыми звуками, смыслъ которыхъ оставался неразгаданнымъ“ ²⁾). Императоръ же Александръ III-й своею безусловною честностію, прямою, послѣдовательностію и постоянствомъ своихъ дѣйствій достигъ того, что возвратилъ дипломатическому слову (по крайней мѣрѣ, своему)

¹⁾ Steade, 'Truth about Russia.

²⁾ Завитневичъ, стр. 9.

его истинный смыслъ, и заставилъ другихъ къ нему прислушиваться, ему вѣрить, его цѣнить и уважать. А чтобы его честное русское слово доходило до слуха Европы въ неискаженномъ видѣ, онъ уничтожилъ странную привилегію нашихъ дипломатовъ не знать русскаго языка, слѣлавъ русскую рѣчь обязательною для нихъ во взаимной перепискѣ¹⁾.

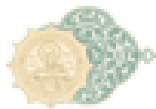
И слово Царя дѣйствительно доходило до Европы, и она понимала его прекрасно. Въ политикѣ, говоритъ одинъ англійскій писатель (Стэдъ), самая выгодная система, когда имѣешь дѣло съ Императоромъ,—это дѣйствовать безъ всякой лжи, которая ему ненавистна²⁾, а лордъ Розбери, отъ лица Европы, еще при жизни Императора Александра, выразилъ ему благодарность за то, что „лозунгомъ его всегда были слова: правда въ дипломатіи и миръ“.

Вниманіе историка особенно привлекаютъ два факта, въ которыхъ выразились характерныя черты политики Александра III, —это рѣшеніе Болгарскаго вопроса и заключеніе союза съ Франціей.

Александръ III не сталъ грозить оружіемъ болгарскому князю Александру Баттенбергскому, когда тотъ повелъ въ Болгаріи руссофобскую политику; однако Императоръ далъ почувствовать Александру свое недовольство, вычеркнувъ послѣдняго изъ списковъ русской арміи и тѣмъ побудивъ Европу поставить его, какъ бы внѣ закона. Что же касается Франціи, то Александръ III (подобно своимъ предшественникамъ, начиная съ Александра I) всегда видѣлъ въ ней прекраснѣйшую союзницу для поддержанія мирнаго политическаго равновѣсія Европы. Онъ не разъ и раньше оказывалъ покровительство Франціи, предупреждая и устраняя враждебныя покушенія Германіи противъ своей сосѣдки, пока, нако-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Fruth about Russia.

нецъ, въ 1891 г. онъ открыто не заключилъ мирнаго союза съ французской республикой.

Подводя итоги внѣшней политики Александра III, мы должны замѣтить, что политика эта была строго національною, какъ строго національна была и внутренняя дѣятельность Императора; и результаты ея были самые блестящіе. Россіи теперь было возвращено ея прежнее международное значеніе, нѣсколько пошатнувшееся со времени Берлинскаго конгресса.

Но не для одной Россіи Александръ III имѣлъ огромное значеніе: онъ много сдѣлалъ и для Европы,—именно своимъ миролюбіемъ. Объ этомъ лучше всего говоритъ тотъ страхъ народовъ, съ которымъ они встрѣтили въ свое время извѣстіе о его болѣзни и ихъ неподдѣльное горе при вѣсти о его кончинѣ. Ни одинъ монархъ не пользовался такою извѣстностію и такимъ уваженіемъ въ Европѣ. О выздоровленіи его отъ болѣзни въ свое время молились во всѣхъ углахъ Европы: и въ христіанскихъ храмахъ и даже еврейскихъ синагогахъ¹⁾. По случаю его смерти вся Европа облеклась въ трауръ, во многихъ заграничныхъ большихъ городахъ были закрыты театры; въ Берлинѣ въ день смерти Императора народное движеніе, начавшееся при извѣстіи о послѣдней, напоминало, по словамъ корреспондента, внезапную катастрофу, а въ Тулонѣ, гдѣ извѣстіе о кончинѣ получено было въ театрѣ во время спектакля, публика единогласно потребовала немедленнаго прекращенія послѣдняго.

¹⁾ См. телеграммы Сѣверн. Телегр. Агенг. отъ 20 (8) октября 1894 г. изъ Копенгагена и Парижа; послѣдняя гласитъ: „сегодня отслужено молебствие о здоровьи Государя Императора въ синагогахъ Парижа и всей Франціи“. Достойны также примѣчанія молитвы за Царя, вознесенныя во всѣхъ своихъ храмахъ англійскими квакерами—этими принципиальными противниками войны и кровопролитія.

Газеты всего міра посвятили скорбныя статьи памяти покойнаго Императора. „Стоить только, говорится въ одной изъ англійскихъ газетъ (Daily News), представить тѣ неподдающіеся описанію ужасы, къ которымъ повела бы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ европейская война, чтобы оцѣнить, чѣмъ былъ Императоръ. Царь своимъ миролюбіемъ сохранилъ столько же жизней, сколько Наполеонъ истребилъ, однако онъ сдѣлалъ это ни мало не поступаясь интересами и честью своей страны“.

О Фридрихѣ Великомъ рассказываютъ, что при вѣсти о его кончинѣ одинъ простодушный померанскій крестьянинъ воскликнулъ: „Кто же будетъ теперь управлять міромъ“?! Подобный вопросъ имѣлъ мѣсто и при кончинѣ Императора Александра III. Только этотъ вопросъ задавалъ теперь не наивный померанскій крестьянинъ, а скептическая и увѣренная въ себя Европа, и спрашивалось теперь не о томъ, кто будетъ управлять міромъ, а кто будетъ охранять миръ, кто будетъ охранять спокойствіе Европы? Этотъ вопросъ сквозилъ и въ смущеніи народовъ при вѣсти о кончинѣ Миротворца и въ депешахъ дипломатовъ, и газетныхъ статьяхъ, и рѣчахъ парламентскихъ ораторовъ. Во всемъ этомъ, говоримъ, сквозилъ одинъ безпокойный вопросъ—кто же теперь будетъ охранять миръ, кто явится новымъ Миротворцемъ? И этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, есть лучшая оцѣнка того, что сдѣлалъ Александръ III для Европы.

В. Родниковъ.